

К 105-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ПРАВОСЛАВИЕ

Всесветно известный русский писатель Шолохов прожил долгую и внешне необычайно успешную жизнь. На самом же деле она была полна драматических поворотов и поистине трагических обстоятельств, порой глубоко скрытых, во многом до сих пор не вполне очевидных. Основательная биография его не написана и вряд ли будет создана вскоре. Он подарил нам русскую “Илиаду”, и творчество его есть некая тайна, которую мы можем только пытаться постичь.

В земной своей жизни Михаил Александрович Шолохов был членом ВКП(б) с 1932 года, а с 1962-го – членом Центрального Комитета КПСС. Депутатом Верховного Совета СССР стал в 1937-м, академиком АН СССР – в 1939-м. Лауреат Сталинской (1941), Ленинской (1960) и Нобелевской (1965) премий, секретарь Правления Союза писателей с 1967-го, дважды Герой Социалистического Труда (1967 и 1980), обладатель бессчётного числа наград и званий.

Всё это, повторим, чисто внешнее, хотя и бросается в глаза. Достоверно известно, что за наградами он никак не гонялся, причитающихся ему почестей всячески избегал, ни малейшим грехом гордыни не отмечен. Большую часть жизни безвыездно провёл в глухой станице (“районном центре”), вдали от железной дороги, где по сей день нет приличного шоссе и надёжного моста через Дон.

Не правда ли, что образ жизни писателя никак не вяжется с обилием высоких наград и должностей? А ведь иные знаменитости в его же время вели себя совсем иначе. Вспомним хотя бы Эренбурга и Симонова, Томаса Манна или какого-нибудь Сартра. Нет, там был совсем иной тип поведения...

Спросим же в этой связи себя и других, был ли член ЦК и лауреат Шолохов православным русским христианином? Сложнейший вопрос и исключительно ответственный. Однако начать разговор о том пора, и уже давно. Тут предстоит много и много думать, но попробуем всё же высказать некое предварительное, так сказать, суждение.

В доме Шолохова в Вёшенской, где он с семьёй прожил почти всю жизнь, иконы в красном углу не висели (свидетельствую, ибо имел честь не раз бывать там), нет сведений, чтобы он молился в храме, в своём приходском, в двух шагах от дома, или в иных. И никогда не выступал с суждениями по религиозным вопросам. Однако...

Скончался он у себя дома в феврале 1984-го во время правления мрачного русофоба Ю. Андропова. Похороны знаменитейшего писателя и общественного деятеля в Вёшенской были весьма скромными и сугубо советскими по всем

тогдашним привычным обрядам. Могила Шолохова по его завещанию находится во дворе дома по-над Доном. Естественно, что обряда отпевания тогда не проводилось. Но вскоре родными и близкими покойного был тихо совершён обряд заочного отпевания по всем канонам Православной церкви. Трудно, невозможно даже предположить, что это сделали вопреки воле скончавшегося.

Шолохов и Православие – сложнейший и глубочайший вопрос, но мы можем с полной уверенностью и ответственностью утверждать, что “Тихий Дон” и иные произведения писателя являются истинно православными художественными произведениями. Вопрос этот исключительно серьёзный, поэтому ограничимся лишь отдельными примерами.

Роман “Тихий Дон” начал публиковаться в 1928 году в журнале “Октябрь” с первого (январского) номера. Как известно, то было время яростной антирелигиозной пропаганды, и прежде всего антиправославной, разгула в печати всякого рода “воинствующих безбожников”. И вот в 3-м (мартовском) номере печатается шестая глава третьей части романа, приводятся полностью три казачьи молитвы. Напомним, что в те коминтерновские времена само слово “казак” было сугубо бранным. И вот советские читатели прочли (мы даём лишь начальные строки):

Молитва от ружья

Господи, благослови. Лежит камень бел на горе, что конь. В камень нейдёт вода, так бы и в меня, раба Божия, и в товарищей моих, и в коня моего не шла стрела или пулька. . .

Молитва от боя

Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный тридевять колен. Раба Божьего и товарищей моих каменной одеждой одень от востока до запада, от земли до небес. . .

Молитва при набеге

Пречистая Владычица Святая Богородица и Господь наш Иисус Христос. Благослови, Господи, набегу идущи раба Божьего и товарищей моих, кои со мною есть, облаком обволоки, небесным, святым, каменным Твоим градом огради. . .

Так и в “безбожную пятилетку”, и во времена новых гонений на Церковь в хрущёвские времена, и во всю пору безбожной власти на родном русском языке и на бесчисленных языках всего мира миллионными тиражами печатались эти изумительные, истинно народные молитвы. Конечно, слова “Господь” и “Богородица” писались с малой буквы, но. . . печатались! Почему такое случилось, шолоховедами не объяснено. Полагаем, что без сил небесных тут не обошлось.

Известно, сколь значительное место среди героев “Тихого Дона” занимает дед Гришака, этот подлинный образец казачьего боевого сословия. Он истинно православный человек, и остался непреклонен в служении Богу, царю и отечеству. Только недавно мы смогли сказать вслух, что в чертах этого героя Шолохов сумел с поразительной силой создать образ новомученика российского. Удивительно, что та трагическая сцена была впервые опубликована в том же “Октябре” в № 10 (октябрьском) 1932 года, когда в пору коллективизации православное священство подверглось чудовищным гонениям.

Красный боец Мишка Кошевой, отравленный, как точно показано в романе, ядом троцкистской пропаганды, приезжает в родной хутор. Все мужчины и большая часть женщин перебрались на другой берег Дона, не без оснований опасаясь расправ от карательных войск, но остался в опустевшем курене дед Гришака, немощный уже старик. Мишка заявился в дом Коршуновых и застаёт на пороге деда. Тот встречает незваного гостя непримиримо:

– Это ты, сукин сын, поганец, значит, супротив наших казаков? Супротив своих-то, хуторных?

– Супротив, – отвечал Мишка.

– А в Святом писании что сказано? Аще какой мерой меряете, тою и воздастся вам. Это как?

– Ты мне, дед, голову не морочь святыми писаниями, я не затем сюда приехал. Зараз же удаляйся из дому, – посуровел Мишка. . .

— Из своих куреней не пойду. Я знаю, что и к чему... Ты анчихристов слуга, его клеймо у тебя на шапке! Это про вас было сказано у пророка Еремии: “Аз напитая их польнем и напою желчию, и изыдет от них осквернение на всю землю”. Вот и подошло, что восстал сын на отца и брат на брата...

— Ты меня, дед, не путляй!..

— Во-во, оно к тому и подошло! В книге пророка Исаии так и сказано: “И изыдут и узрят трупы человеков, преступивших мне. Червь бо их не скончается и огонь их не угаснет, и будут в позор всяческой плоти...”

— Ну, мне тут с тобой свататься некогда! — с холодным бешенством сказал Мишка. — Из дому выходишь?

— Нет! Изыди, супостатина!

— Самое через вас, таких закоснелых, и война идёт! Вы самое и народ мутите, супротив революции направляете... — Мишка торопливо начал снимать карабин...

После выстрела дед Гришака упал навзничь, внятно сказал:

— Яко... не своею... си благодатию... но волею Бога Нашего приидох... Господи, прими раба Твоего... с миром... — и захрипел, и под белыми усами его выскочила кровица”.

Почему эта жуткая картина гибели новомученика российского была опубликована в разгромном тридцать втором году, как Шолохов написал такое, никакого рационального объяснения нет.

Не станем далее приводить примеры из “Тихого Дона”, этой, повторю, истинной русской “Илиады”, но и другие произведения писателя как бы озарены светом Православия. Для столь важного и совсем неожиданного сюжета скажем предельно кратко: это истинно есть свет невечерний, порой совсем незаметный равнодушному взгляду, привыкшему искать в творчестве Шолохова нечто совсем иное, но при внимательном рассмотрении такое не может не броситься в глаза. То же можно сказать о некоторых образах “Поднятой целины” и “Они сражались за родину”, если читать простые с виду шолоховские слова внимательно и с чувством.

Несколько особняком стоит в этом ряду рассказ “Судьба человека”. Жизнеописание простого русского труженика Андрея Соколова есть в чистом виде религиозная притча про Иова Многострадального, перенесённая в трагическую русскую быль XX столетия. Страдания и мытарства, его, как сказано у Шолохова, “нелюдские муки”, многотерпение и стойкость есть выражение веры в благой промысел Господний, хотя внешних признаков того в рассказе мало или они едва намечены. Заметим попутно, что публиковалось это и получило громадный народный отклик в годы хрущёвских гонений на Православие.

В шолоховской “Илиаде” бессчётное число трагических описаний — и смерть Приама, и прощание Гектора с Андромахой, и крошечная гибель казачьей Трои. Однако за всем этим и надо всем стоит неуклонная вера автора в благой Божий промысел.

Вот белые казаки безжалостно застрелили нищего бродягу бездомного по прозвищу Валет, по злобе примкнувшего к красным, тело его равнодушно брошено у дороги. И что же? По Промыслу Божию горемыка был похоронен по христианскому обряду. И вопреки своей грешной, расхристанной жизни похоронен вполне достойно.

“Через полмесяца зарос маленький холмик подорожником и молодой полынью, заколосился на нём овсюг... Вскоре приехал с ближнего хутора какой-то старик, вырыл в головах могилы ямку, поставил на свежооструганном дубовом устое часовню. Под треугольным навесом её в темноте теплился скорбный лик Божьей Матери, внизу на карнизе навеса мохнатилась чёрная вязь славянского письма:

*В годину смуты и разврата
Не осудите, братья, брата.*

Старик уехал, а в степи осталась часовня горюнить глаза прохожих извечного унылым видом, будя в сердцах невнятную тоску”.

Во времена жестокой и надолго затянувшейся смуты создать подобную картину мог только писатель с глубоким православным мироощущением.